

Социология

УДК 316.776.3:316.35

В.В. Кашпур, А.А. Барышев, С.И. Чудинов, Е.В. Щекотин, Г.Н. Сербина

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАДИКАЛЬНОГО КОНТЕНТА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИЭКСТРЕМИСТКОЙ ЦЕНЗУРЫ НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»¹

Целью исследования является выявление форм и способов репрезентации радикального контента идеологий правого радикализма (расовых супремасистов), исламского радикализма (салафизма) и левого радикализма (автономов) в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте». Объектом исследования является радикальный текстовый и визуальный контент изучаемых идеологий, размещенный в социальной сети «ВКонтакте». Предметом — формы и способы репрезентации данного радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры. Методами идентификации контента являлись поиск через структурные связи и автоматический анализа контента, обработка естественного языка. Для выявления форм и способов реализации репрезентации радикального контента использована комбинация качественных социологических методов и технологий автоматического анализа текстов с целью определения их идеологической принадлежности и разбиения на классы. В результате идентификации радикального контента был составлен перечень из 169 сообществ с общим количеством участников 1 378 717 профилей. Анализ форм и способов репрезентации радикального контента в социальных сетях показал, что для репрезентации радикального контента в социальных сетях используются разные смыслы и дискурсы. Сообщества сторонников праворадикальной идеологии формируются на базе неприятия и протеста против тех или иных явлений и процессов современного общества. Отличием от ресурсов, транслирующих мировоззрение и систему ценностей традиционного ислама, для радикальных салафитских сообществ является ярко выраженный акцент на темах, отделяющих «истинно верующих» от остального социального мира, погрязшего в безбожии, грехах и социальных проблемах. Дискурс российских леворадикалов в сети «ВКонтакте» связан с поддержкой акций политического протеста, пропагандой форм самоорганизации населения и производственных коллективов в противовес бюрократической медлительности властей и произволу корпоративного менеджмента. Общим конспирологическим фреймом высказываний левых является участие правительства в заговоре мировых элит по разрушению производительных сил, науки, культуры и социальной сферы России и разоблачение либералов как агентов империализма.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-радикализм, расовый супрематизм, исламский салафизм, левый радикализм, информационная активность, политические установки.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18

Ссылка на статью:

Кашпур В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И., Щекотин Е.В., Сербина Г.Н. Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте» // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18>

Введение и постановка проблемы

Проблема существования и распространения экстремистской идеологии (исламизма, правого и левого радикализма) в социальных сетях в основном изучается в ракурсе проблемы обнаружения и идентификации экстремистского контента, а также проблем выявления способов рекрутирования потенциальных последователей экстремистскими сообществами в интернете и объяснения процесса онлайн-радикализации [1-4].

Отдельно необходимо сказать об исследовании исламизма в Интернете, эта тема привлекла большое внимание исследователей в связи с подъемом международного терроризма в последние годы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31821 опп

Исследования идеологии исламизма в социальных сетях концентрируются вокруг нескольких основных тем:

– анализ использования социальных медиа и возможностей интернета в целом воинствующими исламистскими группировками («Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ), Аль-Каида, салафитские джамааты и др.) и другими экстремистами, в частности, анализ структуры медиа ресурсов террористических движений [5];

– изучение особенностей идеологического дискурса экстремистов, его нарративов и проблема разработки контр-нарративов, минимизации влияния джихадистской идеологии на целевые аудитории данной пропаганды [6; 7];

– методология и методика выявления и анализа радикального и экстремистского контента в интернете [8; 9], разработка систем автоматизированной идентификации и обработки экстремистского контента в социальных медиа [10].

Подавляющее большинство исследований не занимается объяснением особенностей коммуникации между участниками социальных сетей, механизмами продвижения и распространения политических идей в виртуальном коммуникационном пространстве. В частности, упускается из виду вопрос о способах репрезентации радикального контента, которые можно считать коммуникационными стратегиями и тактическими приемами, позволяющими сторонникам экстремистских идеологий довольно успешно осуществлять пропаганду своих идей в социальных сетях и вербовать новых последователей даже в условиях все более усиливающейся цензуры.

Исследований, аналогичных реализованному проекту, крайне мало даже на мировом уровне. Ощущается явная нехватка академических аналитических центров, занимающихся обработкой больших данных и выявлением паттернов распространения экстремистской идеологии онлайн, формирования и развития сетевых структур виртуальных экстремистских сообществ. Одно из немногих масштабных исследований, наиболее близких к поднимаемой нами проблематике – это проект коллектива бельгийских экспертов Исследовательского центра компьютерной лингвистики и психолингвистики (Антверпен). Он посвящен мониторингу и анализу джихадистского контента в виде языка вражды (hate speech) во второй по числу пользователей мировой социальной сети – Twitter. В данном исследовании был собран корпус сообщений («твитов») из 49 тыс., который формировался в ходе мониторинга и автоматической сборки сообщений на протяжении 2014–2016 гг. На его основе была создана и «натренирована» система, которая способна автоматически искать сообщения, содержащие язык вражды (исламистов), с 80 % точностью. Авторами был проведен количественный и качественный анализ корпуса сообщений и исследована сетевая структура пользователей, распространяющих исламистскую пропаганду в Twitter. Однако процессы спрединга и диффузности авторами данного исследования не рассматривались.

Интересный пример «экологического» исследования онлайн-сообществ демонстрирует С. Швеммер [11]. На протяжении 18 месяцев Швеммер осуществлял мониторинг онлайн-активности на странице в Facebook немецкого праворадикального движения Pegida и пришел к выводу, что стратегия мобилизации своих сторонников данного движения заключается в большей радикализации контента и усилении ксенофобии с течением времени.

Таким образом, можно отметить, что исследования, связанные с изучением особенностей распространения радикальных и экстремистских политических идей на материале как российских, так и зарубежных социальных сетей встречаются крайне редко. В отечественной научной литературе вообще немного исследований распространения экстремистских настроений в Интернете.

Так, исследования националистических онлайн-групп в российском Интернете находятся на начальной стадии и представлены пока небольшим количеством публикаций российских ученых. Пионером этого поля является Денис Зуев. В его статьях 2010–2011 годов [12; 13] зафиксирован новый этап развития праворадикального движения в России, возникший благодаря активному использованию интернета и социальных сетей для рекрутинга новых сторонников и коммуникации внутри и между экстремистскими организациями.

Эмиль Паин и Сергей Простаков в своем совместном исследовании [14; 15], анализируя дискурс наиболее крупных групп и пабликов в социальной сети «ВКонтакте», выявили три течения русского национализма в Интернете: традиционный и массовый для России «имперский» национализм, антиимперский национализм «национал-демократов» и «либеральный» национализм, проявляющийся в использовании отдельными лидерами либерального движения некоторых националистических

лозунгов для увеличения базы своих сторонников. Все данные течения роднит использование ксенофобских лозунгов и идей, в которых в качестве врагов русского народа обозначаются «кавказцы» (в русском словоупотреблении это означает люди из регионов современного Кавказа) и «либералы» (представители демократической оппозиции), а с 2014 года – украинские националисты и сторонники киевского Майдана. В исследовании проведен демографический анализ аудитории данных сообществ, зафиксировавший их молодежный и маскулинный характер.

Анализ российских праворадикальных и исламистских онлайн-групп проводился авторской исследовательской группой Томского государственного университета. За это время были проанализированы влияние социально-экономических и динамических факторов на популярность радикальной идеи, влияние выборов на мобилизацию в социальной сети «ВКонтакте» сторонников непарламентской оппозиции (правых радикалов и сторонников Алексея Навального), проведен сравнительный анализ стратегий выживания сообществ «ненависти» (правых радикалов и исламистов) в социальных сетях в условиях государственной цензуры [4; 16-19].

Цель исследования

Цель данного исследования — выявить формы и способы репрезентации радикального контента идеологий правого радикализма (расовые супремасисты), исламского радикализма (салафизма) и левого радикализма (автономы) в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте». Объектом исследования является радикальный текстовый и визуальный контент идеологий правого радикализма (расовые супремасисты), исламского радикализма (салафизма) и левого радикализма (автономы), размещенный в сети «ВКонтакте». Предмет — формы и способы репрезентации радикального контента перечисленных идеологий в условиях государственной антиэкстремистской цензуры.

Методы исследования

Методы, использованные для проведения исследования, можно разделить на две группы:

- а) методы идентификации контента;
- б) методы выявления форм и способов репрезентации радикального контента.

Для решения задачи идентификации радикального контента и его носителей в социальных сетях были использованы два типа методов: метод поиска через структурные связи — «снежный ком» — и методы идентификации посредством автоматического анализа контента — *natural language processing* (обработка естественного языка). Метод «снежного кома» основывается на выделении известных, устойчивых и многочисленных организаций и групп в социальных сетях и выявлении связанных с ними через «дружеские связи» меньших по численности и малоизвестных организаций и групп. Выявленные организации и группы подвергаются такой же процедуре поиска до тех пор, пока получившийся «снежный ком» не вберет в себя все субъекты, составляющие целевую аудиторию исследования.

Второй способ выявления онлайн-групп и сообществ состоит в выявлении их на основе специфики генерируемого ими контента. Данная специфика идентифицирована в рамках методологии *Natural language processing* (обработка естественного языка) с помощью лингвистических маркеров политических настроений и идей. Разработан инструментальный набор лингвистических маркеров, при помощи которых проанализирован контент социальной сети «ВКонтакте» и идентифицированы пользователи, генерирующие исламистский, право- и леворадикальный контент. Словарь лингвистических маркеров представляет собой характерные составляющие идеологического дискурса в виде терминов и выражений, наиболее часто употребляемых представителями идеологий или же собственных только им.

Например, для поиска исламистских сообществ были использованы общеисламские термины и выражения, наиболее часто употребляемые салафитами (такфир, куфр, ширк и др.), или же собственные только им (к примеру, «куфр би тагут»).

Для поиска леворадикальных сообществ были использованы слова и выражения, разделенные на несколько составляющих дискурса: эксплуатация, государственно-олигархический капитализм, пролетариат, классовая солидарность, коммунистическое движение, Интернационал, бесплатное образование и др.

Для поиска праворадикальных сообществ были использованы слова и выражения, разделенные на несколько составляющих дискурса: места, символы, названия течений, сленг, музыка.

Выгрузка текстовых данных осуществлялась при помощи программного интерфейса приложения (Application Programming Interface, API) «ВКонтакте». Лемматизация текстового контента реализована при помощи библиотек MyStem morphology2. Все найденные сообщества были просмотрены визуально на предмет соответствия профилю.

В результате идентификации радикального контента был составлен перечень из 169 сообществ с общим количеством участников 1 378 717 профилей. Это 76 леворадикальных сообществ с общим количеством подписчиков 458 815 профилей, 54 праворадикальных сообщества с общим количеством 684 684 профиля и 39 сообществ с контентом исламистского радикализма с общим количеством подписчиков 235 218 профилей. Из общего количества подписчиков были выгружены действующие (не заблокированные и не удаленные) уникальные профили активных подписчиков — те, которые заходили в социальную сеть хотя бы один раз в течение одного месяца перед началом анализа (ноябрь 2020).

Итоговый список профилей для анализа состоял из 387 271 уникального подписчика: 135 667 профилей в леворадикальных сообществах, 236 334 профиля в праворадикальных сообществах и 15 270 профилей в сообществах исламского радикализма.

Для выявления форм и способов реализации репрезентации радикального контента использована комбинация качественных социологических методов и технологий автоматического анализа текстов с целью определения их идеологической принадлежности и разбиения на классы. Анализ форм и способов репрезентации радикального контента реализован с использованием моделей дискурс-анализа Т.А. ван Дейка и М. Халлидея [20-22], а также методик визуального анализа М. Бэнкса и К. Олехницкого [23; 24].

Репрезентация радикального контента идеологии правого радикализма

Сообщества сторонников праворадикальной идеологии отличаются большим разнообразием по тем политическим и ценностным установкам, которые они транслируют. В этой связи представляется малопродуктивной попытка дать более-менее полную характеристику позитивной содержательной повестке данных сообществ. В то же время в сообществах правых радикалов достаточно легко обнаруживаются общие темы, против которых они выступают. Таким образом, эти сообщества формируются на базе неприятия тех или иных явлений и процессов современного общества на основе протеста. Один из популярных в праворадикальных сообществах мемов содержит утверждение «Всех объединяет ненависть». Это выражение наилучшим образом характеризует дискурс праворадикальных сообществ.

Объекты ненависти в свою очередь достаточно разнообразны и часто вполне конкретны: с одной стороны, это российские власти, и прежде всего, В.В. Путин; мигранты; большевики и коммунисты, а также современные левые и антифашисты; представители ЛГБТ, феминистки; евреи; чернокожие и т. д. В то же время не являются редкими такие не вполне четко очерченные объекты критики как «современный мир», «большой брат», «мировые правители» и т. д.

Поразительным образом в качестве главного своего врага правые радикалы позиционируют современные российские власти; утверждается, что В.В. Путин считает основной угрозой для своей власти националистов. Примечательно, что некоторые западные исследователи считают, что российские власти очень активно поддерживают правые движения в Европе, такие как Народный фронт и т. д. [33]. То есть, правые радикалы внутри России не воспринимают российскую власть как своего союзника, напротив, для них она – главный объект ненависти. При этом в праворадикальных сообществах нередко присутствует поддержка как правых политических движений в Западной Европе, США, и других странах (тот же Народный фронт), так и отдельных политических деятелей, которых правые радикалы воспринимают как своих идейных соратников (Д. Трамп и т. д.).

В целом можно взять за основу определение радикального правого экстремизма Минкенберга [34], которое базируется на следующем идеологическом наборе:

а) вера в абсолютную ценность традиционных институтов и форм социальной организации (государства, церкви, нации) и обозначение их собственных характеристик и уникальности в силу принадлежности к ним;

б) вера в необходимость сохранения и защиты этих институтов от угроз, исходящих от модернизационных процессов, происходящих в современном обществе. В этом случае будет заметно очень контрастное различие «старых» и «новых» правых.

И те, и другие воспринимают будущее как прошлое, как реставрацию минувшего порядка, различие в том, к какому прошлому они обращаются в поисках легитимации своих идей.

«Старые» правые в нашем исследовании представлены некогда очень популярными правыми организациями РНЕ, Общество ПАМЯТЬ и несколькими другими сообществами без выраженной связи с какими-либо политическими движениями (Рассвет и т. д.). В данных сообществах очень активно эксплуатируется тема православия, царской России, белогвардейского движения и белой эмиграции. «Новые» правые более разнообразны, в меньшей степени привязаны в своей самоидентификации к конкретным историческим событиям и периодам и более склонны к некоторой эклектичной мифологичности. Так, существуют достаточно многочисленные сообщества («Пробуждение», «WOTANJUGEND» и т. д.), объединяющие сторонников язычества, прежде всего, скандинавского. Они, развивая типичную праворадикальную риторику, включающую критику европейской толерантности, расизм, обвинения мигрантов и т. п., в качестве образа будущего обращаются к абстрактным временам мифов. Другая часть «новых» правых сообществ практически полностью игнорируют религиозную тематику и всю критику обрушивает на современное российское государство с позиции национал-либерализма. Образ будущего, который предлагается в данных сообществах, еще более отвлечен, чем в языческих сообществах. Его можно сформулировать как движение к миру без мигрантов, однополых браков, кавказцев, чернокожих и в тоже время без полиции, коррупции, чиновников, что очень сильно сближает данную часть правых радикалов с либеральными и либертарианскими движениями.

Что касается визуального аспекта публикаций в сообществах праворадикальной направленности, то они представляют собой иллюстрацию тех идей, которые транслируют данные сообщества. В целом, визуальный контент (изображения и видео) используется очень активно и призван, по всей видимости, усилить воздействие идей, выраженных в текстовой форме. Так, если речь в публикации идет о мигрантах, то в качестве визуального сопровождения используются изображения, представляющие мигрантов как слаборазвитых, порочных людей, с отталкивающей внешностью, отвратительных, грязных и т. д. Также активно используются карикатуры, юмористические и саркастические изображения идейных противников, которые были перечислены выше. Соответственно, в сообществах с выраженной религиозной составляющей (православной или языческой) значительную часть визуального контента занимает изображение религиозных символов, мифологических сюжетов.

Когда в сообществах правых радикалов репрезентируется образ будущего, то эти изображения стремятся подчеркнуть героический, возвышенный характер этого будущего, нередко обращаясь к образам прошлого. Например, «старые» правые активно используют дореволюционные фотографии, картины и т. д., стремясь подчеркнуть характер «хорошего иного». Правые радикалы-язычники используют фотографии и картины чистой, первозданной природы, стилизованные изображения скандинавских богов и героев и т. д., национал-либералы – картины «чистой», «уютной», «аутентичной» Европы, которая противопоставляется «грязной», «разрушенной», «отсталой» современной России.

Репрезентация радикального контента исламского радикализма (салафизма)

Практически все салафитские сообщества ведут завуалированную пропаганду своих религиозных и политических взглядов, по всей видимости, рассчитывая установить коммуникацию с активными пользователями социальной сети, интересующихся исламом, с целью их дальнейшего вовлечения в закрытые группы и мессенджеры. В сети «ВКонтакте» обнаруживается довольно большое число умеренных и радикальных салафитских сообществ, но только единичные паблики можно отнести к тем, которые открыто проповедуют экстремистские взгляды или занимаются морально-идеологической легитимацией практики терроризма (обычно они быстро блокируются).

В выборку сообществ в данном исследовании вошли салафитские сообщества, которые можно подразделить на несколько категорий по степени радикальности проповедуемых религиозно-политических взглядов:

а) к первой категории мы отнесли сообщества, транслирующие умеренный салафизм (более гибко трактующий вопросы отношения к светской власти и иноверам, отвергающий необходимость практики джихада в виде вооруженной борьбы на современном этапе исторического развития) – мадхализм (последователи Рабиа аль-Мадхали). К ним относятся сообщества, которые враждебно отно-

сятся к суфиям, шиизму, несалафитским течениям в исламе и борются за «чистоту» исламского верования и образа жизни мусульман, к примеру, группа «Нововведения в Исламе», которая целиком посвящена теме нововведений и «нововведенцев», ведущих к ереси;

б) другая часть сообществ (наибольший сегмент среди салафитских пабликов) пропагандирует завуалированные формы радикализма и ненасильственного экстремизма (в виде «языка ненависти» и пропаганды враждебного отношения к иноверцам и несалафитам, к которым относится большая часть мусульман, исповедующих различные течения традиционного ислама). Для данного сегмента характерна открытая пропаганда идеологии ваххабизма, ее современных саудовских идеологов. Различие в идеологических взглядах между сообществами в основном сводится к предпочтению того или иного саудовского идеолога(ов) салафизма.

Данный сегмент можно подразделить на две подгруппы: сообщества, которые, даже в случае пропаганды ярко выраженного такфиризма, открыто декларируют свое отвержение идеологии ИГИЛ (запрещена в РФ); сообщества, чья позиция по отношению к ИГИЛ не представлена в открытом виде (соответственно, их отношение к практике по осуществлению террористической деятельности также не представляется ясно выраженным);

в) более политизированные сообщества, не связанные с пропагандой ИГИЛ, но косвенно поддерживающие терроризм, представлены самым крупным сообществом в выборке (более 31 тыс. подписчиков) «At Tauhid», связанным с репрезентацией взглядов бывшего шариатского судьи запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Имарат Кавказ» Абдуллаха Костекского;

г) еще одна часть салафитских сообществ оказывает завуалированную информационную поддержку пропаганды джихадистского салафизма и деятельности запрещенной на территории РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ). К таким сообществам относятся эксплицитно такфиритские «Сокровище имамов Неджд» (во время проведения контент-анализа стало закрытой группой), «TAUHID». Максимально завуалированной среди подобных групп выступает «Черноокая» — восстановленное сообщество после блокировки за откровенно проИГИЛовскую позицию. Довольно автономную подгруппу в рамках данной категории составляют последователи дагестанского (по происхождению) проповедника Абу Умара Саситлинского, подозреваемого в России в финансировании ИГИЛ и других террористических организаций, действующих в Сирии. Контент таких сообществ сконцентрирован вокруг информационных материалов, продуцируемых Саситлинским.

Все салафитские сообщества отличает глубокая погруженность в религиозную тематику (разбор богословских вопросов или вопросов религиозного права). Отличием от ресурсов, транслирующих мировоззрение и систему ценностей традиционного ислама, является ярко выраженный акцент на темах, отделяющих «истинно верующих» от остального социального мира, погрязшего в безбожии, грехах и социальных проблемах. К таким темам относятся тема неверия, отпадения и отлучения от ислама (в частности, вопрос об условиях обвинения единоверца в неверии), ненависти к иноверцам как моральной обязанности истинно верующих, отвращения к светским формам жизни, включая празднование общепризнанных и официальных праздников в России (Новый год, 8 марта и др.). Для четвертой категории салафитских сообществ характерна еще более узкая сектантская позиция, согласно которой большинство официальных саудовских богословов, являющихся рупором современного ваххабизма и представляющих авторитет для сторонников «чистого ислама», выбрасывается за борт истинной религии в качестве «ученых зла».

Визуальная репрезентация дискурса радикальных салафитских групп в основной своей массе довольно бедна. В основном в сообществах присутствуют текстовые материалы, причем чаще всего сводящиеся к прямому цитированию салафитских авторов или тенденциозных подборок фрагментов из трудов классического исламского богословия, первичных источников ислама – Корана и Сунны. Высказывания, напрямую критикующие и отвергающие легитимность светской власти и официального духовенства, крайне редки и встречаются в некоторых сообществах, связанных с салафитами Северного Кавказа. Визуально-графические материалы в большинстве постов сводятся к нейтральным изображениям: образам природных явлений (многие из которых имеют семиотическую привязку к качествам Божества и призваны внушить перед ним величие и страх), предметам повседневного быта пользователей (ноутбук, смартфон, письменные принадлежности, книга и пр.), графической обработке текста цитат из священного писания, трудов богословов. Наиболее «воинственными» выгля-

дят такие образы, как меч или всадник на коне, которые обычно ассоциированы с борьбой против неверия и войне с неверными (в контексте трансляции исторических исламских сюжетов из Сунны).

Для наиболее радикальных про-ИГИЛовских сообществ характерно присутствие символики, соответствующей террористической организации, но в модифицированном виде (с целью усложнения идентификации и блокировки сообществ). В графической композиции «ТАУНИД» представлен немного измененный элемент «печать пророка», присутствующий на официальном флаге ИГИЛ. В сообществе «Сокровище имамов Неджд» обнаруживается изображение флага ИГИЛ, в котором цвета заменены местами: черный цвет (фон) превращен в белый, а белый цвет (шрифт) изменен на черный. Помимо этого, надпись на флаге изменена на фразу «Нет вам узра мушрики», что указывает на радикальную трактовку богословского вопроса об условиях признания отпадения мусульманина от веры.

Репрезентация радикального контента идеологии левого радикализма («автономы»)

Носителей левой идеологии в социальной сети «ВКонтакте» можно подразделить на ультралевых (левых экстремистов), левых радикалов и умеренных. К умеренным относятся активисты и сторонники официальных левых партий (партия Патриоты России, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Коммунистическая партия Коммунисты России (Комросс), Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС, Российский объединенный трудовой фронт), движений (Левый фронт) и политических организаций (Союз марксистов), использующих мирные средства достижения целей социальной справедливости и равноправия в рамках имеющегося конституционного строя.

Цели радикалов находятся по ту сторону охраняемых Конституцией социальных отношений (отрицание капитализма, государства как самостоятельной формы публичной власти и т. д., всех форм эксплуатации человека, ограничения свободы личности и т. д.). Свою борьбу за коренное преобразование общественно-политического строя они ведут в рамках существующих законов, используя различные методы агитации, пропаганды и протестной деятельности для привлечения внимания – в том числе правоохранительных и законодательных органов – к проявлениям коррупции, попрания прав человека, деградации социальной сферы, окружающей среды, общественной нравственности как закономерным последствиям сложившейся государственно-капиталистической системы. Большинство леворадикальных партий и движений не имеет или лишены регистрации в Минюсте РФ в связи с присутствием в их дискурсе элементов, связанных с темой насилия. Среди них – Объединенная коммунистическая партия (ОКП), Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ), Российский объединенный трудовой фронт, Российское социалистическое движение, Революционная рабочая партия (РРП), Российское социалистическое движение (РСД).

Идеологически большинство левых радикалов придерживается традиционной для России марксистской-ленинской традиции, но имеются и организации, разделяющие «более левые» идеи троцкизма, например, Революционная рабочая партия (РРП), Российское социалистическое движение. Они нацелены на борьбу с бюрократией, отказ от сотрудничества с капиталом, делая акцент на самоуправлении и создании «настоящих профсоюзов». Российская маоистская партия придерживается маоизма, проповедуя идеи плановой экономики, антиимпериализма, деколонизации, легализации рабочих-мигрантов, консолидации всех течений, противостоящих капиталистическому строю, включая феминизм. К организациям, опирающимся на идеи и практики сталинизма, можно отнести Трудовую Россию, Коммунистическую партию большевиков, Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП). В настоящее время российские левые радикалы достаточно умело модерируют жесткость своего публичного дискурса благодаря, прежде всего, его богатой литературной составляющей, включающей незапрещенные в РФ труды основоположников соответствующих направлений и их продолжателей.

Левый экстремизм является продолжением как умеренных, так и радикальных левых идей за рамками сферы их политкорректного употребления. В таком виде они смыкаются с мнениями и настроениями маргинальных слоев и их сателлитов, не способных сдерживать чувства гнева, отвращения и презрения по отношению к социальным группам, олицетворяющим несправедливый общественный порядок, и руководимых желанием радикального изменения общества путем насильственного лишения этих групп доминирующего положения. При этом не важно, являются ли эти мнения и настроения непосредственной реакцией на определенные ситуации или целенаправленно формируются в соответствии с той или иной левой идеологией. С точки зрения сетевой репрезентации, левоякстремистский дискурс независимо от порождающих его причин находит выражение в вербальных или визуальных

образах насилия во имя справедливости и равноправия, циркулирующих в онлайн-группах, формирующих субкультурный уровень существования официально признаваемых левых идей.

В этой связи стоит отметить, что большинству незарегистрированных левых партий и движений отказано в регистрации не вследствие радикализма их идеологии, а по причине присутствия в их публичном дискурсе враждебного отношения к определенным социальным группам и институтам. Оно выражается посредством языка ненависти (hate speech) и демонстрации как презрительного к ним отношения, так и готовности к агрессивным действиям путем использования карикатурных изображений (олигархов, капиталистов, коллаборационистов, чиновников) и понятных символов (сжатый кулак, фигура человека, поднимающего камень и т. д.), а также видеоматериалов, изображающих представителей власти в неприглядном виде.

Особую категорию левых экстремистов формируют так называемые «новые левые» (анархисты, антифашисты, антиглобалисты, пацифисты, феминисты), так как их дискурсы являются продуктом достаточно глубокой рефлексии и на данный момент поддерживаются напрямую соответствующими идеологиями. Поскольку эти радикальные идеологии находятся в жесткой конфронтации с существующей общественной моралью, они легко криминализируются по многим статьям УК и, соответственно, люди, их исповедующие – особенно в форме соответствующих материально-дискурсивных акционистских практик (феминисты), практик неповиновения властным предписаниям (пацифисты, анархисты) или агрессивного противодействия проявлениям правого экстремизма (Антифа) – вполне обоснованно подпадают под категорию экстремистов. Усиление элементов перформативности в этих дискурсах приводит к насыщению их видеоматериалами и аудиотекстами (например, песенная коллекция анархистского рока).

В основном дискурс российских левых в сети «ВКонтакте» связан с поддержкой акций политического протеста, пропагандой форм самоорганизации населения и производственных коллективов в противовес бюрократической медлительности властей и произволу корпоративного менеджмента, критикой фальсификации выборов, разоблачением коррупционеров в контексте их аффилированности с Единой Россией и путинским режимом, с представлением последнего в качестве оккупационного, обслуживающего мировую олигархию. Общим конспирологическим фреймом высказываний левых является участие правительства в заговоре мировых элит по разрушению производительных сил, науки, культуры и социальной сферы России и разоблачение либералов как агентов империализма. Дежурными топиками являются пенсионная реформа, входящая в систему мер по избавлению РФ от лишнего населения, COVID-19 как еще одна мера из этой обоймы, которая, наряду с цифровым контролем, призвана превратить народ в покорных рабов, неспособных к объединению и борьбе против своих эксплуататоров. В позитивной части дискурса находятся вопросы самоуправления на всех уровнях (включая поддержку «настоящих профсоюзов»), самообразования и поддержки нуждающихся. Такова повестка, общая для всех левых групп в Интернете независимо от того, являются ли они партийными сайтами, площадками, тяготеющими к существующим в офлайне политическим организациям и движениям, или независимыми сообществами. При этом вопросами, порождающими разногласия между левыми, являются Навальный, Крым, «Назад в СССР», война в Донбассе, судьба советского наследия, доставшегося суверенным ныне республикам, мигранты, ЛГБТ, и прочие как из старой, так и новой повестки.

В обнаруженных группах проявлений экстремизма, соответствующих уголовно наказуемым деяниям, было выявлено в незначительном количестве, что говорит:

а) о качестве модерирования контента в условиях действия закона о государственном противодействии экстремистской деятельности в сети Интернет;

б) о меньшей степени агрессивности, характерной для российских левых настроений в отличие от правых.

Заключение

Анализ форм и способов репрезентации радикального контента в социальных сетях показал, что для репрезентации такого контента используются разные смыслы и дискурсы. Сообщества сторонников праворадикальной идеологии отличаются большим разнообразием по тем политическим и ценностным установкам, которые они транслируют. В тоже время в сообществах правых радикалов достаточно легко обнаруживаются общие темы, против которых они выступают. Эти сообщества формируются на базе неприятия и ненависти к тем или иным явлениям и процессам современного

общества. Это как достаточно конкретные объекты (российские власти, мигранты, большевики и коммунисты, современные левые и антифашисты, представители ЛГБТ, феминистки и т. д.), так и абстрактные понятия («современный мир», «большой брат», «мировые правители» и т. д.).

Практически все салафитские сообщества ведут завуалированную пропаганду своих религиозных и политических взглядов, по всей видимости, рассчитывая установить коммуникацию с активными пользователями социальной сети, интересующихся исламом, с целью их дальнейшего вовлечения в закрытые группы и мессенджеры. Отличием от ресурсов, транслирующих мировоззрение и систему ценностей традиционного ислама, является ярко выраженный акцент на темах, отделяющих «истинно верующих» от остального социального мира, погрязшего в безбожии, грехах и социальных проблемах. К таким темам относятся тема неверия, отпадения и отлучения от ислама (в частности, вопрос об условиях обвинения единоверца в неверии), ненависти к иноверцам как моральной обязанности истинно верующих, отвращения к светским формам жизни, включая празднование общепризнанных и официальных праздников в России (Новый год, 8 марта и др.).

Дискурс российских леворадикалов в сети «ВКонтакте» связан с поддержкой акций политического протеста, пропагандой форм самоорганизации населения и производственных коллективов в противовес бюрократической медлительности властей и произволу корпоративного менеджмента, критикой фальсификации выборов, разоблачением коррупционеров в контексте их аффилированности с Единой Россией и путинским режимом, с представлением последнего в качестве оккупационного, обслуживающего мировую олигархию. Общим конспирологическим фреймом высказываний левых является участие правительства в заговоре мировых элит по разрушению производительных сил, науки, культуры и социальной сферы России и разоблачение либералов как агентов империализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Scanlon, J. R. Automatic detection of cyber-recruitment by violent extremists / J. R. Scanlon, M. S. Gerber // *Security Informatics*. – 2014. – Vol. 3, no. 5. – P. 1–10.
2. A Lexicon-based Approach for Hate Speech Detection / N. D. Gitari, Z. Zuping, H. Damien, J. Long // *International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering*. – 2015. – Vol. 10, no. 4. – P. 215–230.
3. Schmidt, A. A. Survey on Hate Speech Detection using Natural Language Processing / A. Schmidt, M. Wiegand // *Proceedings of the Fifth International Workshop on Natural Language Processing for Social Media*. – P. 1–10.
4. Activity of non-parliamentary opposition communities in social networks in the context of the Russian 2016 parliamentary election / M. Myagkov, E. V. Shchekotin, V. V. Kashpur [et al.] // *East European Politics*. – 2018. – Vol. 34, no.4. – P. 483–502.
5. James, P. F. The Media Strategy of ISIS / P. F. James // *Survival*. – 2014. – Vol. 56, no.6. – P. 49–55.
6. Fisher, A. Swarmcast: How Jihadist networks maintain a persistent online presence / A. Fisher // *Perspectives on Terrorism*. – 2015. – Vol. 9, no. 3. – P. 3–20.
7. Schmidt, A. P. Challenging the Narrative of the ‘Islamic State’. The International Centre for Counter-Terrorism / A. P. Schmidt // *The Hague*. – 2015. – Vol. 6. No. 5. – URL: <https://www.icct.nl/wp-content/uploads/2015/06/ICCT-Schmid-Challenging-the-Narrative-of-the-Islamic-State-June2015.pdf> (дата обращения: 2017-05-30).
8. Berger, J. M. The ISIS Twitter Census: Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter / J. M. Berger, J. Morgan // *Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World*. – 2016. – 68 p. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/isis_twitter_census_berger_morgan.pdf (дата обращения: 2017-05-30).
9. Klausen, J. Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq / J. Klausen // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2015. – Vol. 38, no. 1. – P. 1–22.
10. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media / K. Cohen, F. Johansson, L. Kaati, J. C. Mork // *Terrorism and Political Violence*. – 2014. – Vol. 26, no. 1. – P. 246–256.
11. Schwemmer, C. The Limited Influence of Right-Wing Movements on Social Media User Engagement / C. Schwemmer // *Social Media and Society*. – 2018. – Vol. 7, no. 3. – URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/js73z/> (дата обращения: 2017-10-14).
12. Zuev, D. The movement against illegal immigration: analysis of the central node in the russian extreme-right movement // *Nations and Nationalism*. – 2010. – Vol. 16, no. 2. – P. 261–284.
13. Zuev, D. The Russian Ultranationalist Movement on the Internet: Actors, Communities, and Organization of Joint Actions / D. Zuev // *Post-Soviet Affairs*. – 2011. – Vol. 27, no. 2. – P. 121–157.
14. Паин, Э. Современный русский национализм в зеркале рунета / Э. Паин // *Россия – не Украина: современные акценты национализма: сб. ст. / сост.: А. Верховский*. – М.: Сова. – 2014. – С. 8–31.

15. Простаков, С. А. Националисты 2.0: попутчики империи / С. А. Простаков // Интернет и идеологические движения в России: коллективная моногр. / сост.: Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 74–134.
16. Российский праворадикальный экстремизм и социальные сети как пространство его публичного существования / В. В. Кашпур, А. А. Барышев, Ю. О. Мундриевская, Е. В. Щекотин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2017. – № 3. – С. 27–33.
17. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) / M. Myagkov, E. V. Shchekotin, S. I. Chudinov, V. L. Goiko // Media, War & Conflict. – 2019. – Vol. 13, no. 4. – P.425–447.
18. The Socio-Economic and Demographic Factors of Online Activity among Right-Wing Radicals / M. Myagkov, E. Shchekotin, V. Goiko [et al.] // Studies of Transition States and Societies. – 2019. – Vol. 11, no. 1. – P. 19–38.
19. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia / M. Myagkov, V. Kashpur, A. Baryshev [et al.] // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. – 2019. – Vol. 8, no. 1. – P. 41–74.
20. Van Dijk, J. The network society. Social aspects of new media / J. Van Dijk. – London : SAGE Publications, 2006. – 304 p.
21. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк // PSyberLink Психологическая сеть российского Интернета. – Новосибирск, 1999. – URL <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 2021-09-22).
22. Halliday, M. A. K. Linguistic Studies of Text and Discourse / M. A. K. Halliday // Collected Works of M.A.K. Halliday / M.A.K. Halliday, J. Webster. – 1-st ed. – Bloomsbury Academic, 2006. – 301 p.
23. Banks, M. Materiały wizualne w badaniach jakościowych / M. Banks. – Warszawa : PWN, 2009. – 229 s.
24. Olechnicki, K. Antropologia obrazu. Fotografia jako metoda, przedmiot i medium nauk społecznych / K. Olechnicki. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 2003. – 303 s.

Поступила в редакцию 07.12.2021

Кашпур Виталий Викторович, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии
E-mail: vitkashpur@mail.ru

Барышев Алексей Андреевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии,
научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных
E-mail: barishevnp@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36

Чудинов Сергей Иванович, кандидат философских наук,
научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36;

доцент кафедры философии и истории
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
630009, Россия, г. Новосибирск, ул. Гурьевская, 51;

доцент кафедры информационной безопасности,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий
630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, 10
E-mail: personally@ngs.ru

Щекотин Евгений Викторович, кандидат философских наук, доцент,
заведующий лабораторией цифровых методов изучения общества и экономики
Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: evgvik1978@mail.ru

Сербина Галина Николаевна, заместитель директора Научной библиотеки
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 34а
E-mail: gnserbina@gmail.com

V.V. Kashpur, A.A. Baryshev, S.I. Chudinov, E.V. Shchekotin, G.N. Serbina

METHODS FOR REPRESENTATION OF RADICAL CONTENT UNDER STATE ANTI-EXTREMIST CENSORSHIP ON THE MATERIAL OF VKONTAKTE SOCIAL NETWORK

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18

The study aims to identify the forms and ways of representing the radical content of the ideologies of right-wing radicalism, Islamic radicalism and left-wing radicalism in conditions of state anti-extremist censorship on the material of the social network VKontakte. The research object is the radical texts and visual content of the studied ideologies posted on the VKontakte. The research subject is the forms and methods of representation of this radical content under the conditions of state anti-extremist censorship. Content identification methods are structural links search, automatic content analysis, and natural language processing. To identify the forms and ways of implementing the representation of radical content, a combination of qualitative sociological methods and technologies for automatic analysis of texts are used. As a result of the identification of radical content, a list of 169 communities is compiled with a total number of 1,378,717 profiles. Communities of supporters of the right-wing radical are formed on the basis of rejection and protest against certain phenomena and processes of modern society. The difference from the resources, sharing the view and value system of traditional Islam, for radical Salafi communities is a pronounced emphasis on topics that separate “true believers” from the rest of the social world, mired in atheism, sins and social problems. The discourse of Russian left-wing radicals in VKontakte is associated with support for political protest actions and the propaganda of forms of self-organization of the population and production collectives in opposition to the bureaucratic tardiness of the authorities and the arbitrariness of corporate management. The general conspiracy frame of the left-wing radicals is the participation of the government in a conspiracy of world elites to destroy the productive forces, science, culture and social sphere of Russia and the exposure of liberals as agents of imperialism.

Keywords: social networks, online radicalism, racial suprematism, Islamic Salafism, left radicalism, informational activity, political attitudes.

REFERENCES

1. Scanlon, J. R. Automatic detection of cyber-recruitment by violent extremists / J. R. Scanlon, M. S. Gerber // *Security Informatics*. – 2014. – Vol. 3, no. 5. – P. 1–10.
2. A Lexicon-based Approach for Hate Speech Detection / N. D. Gitari, Z. Zuping, H. Damien, J. Long // *International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering*. – 2015. – Vol. 10, No. 4. – P. 215–230.
3. Schmidt, A. A. Survey on Hate Speech Detection using Natural Language Processing / A. Schmidt, M. Wiegand // *Proceedings of the Fifth International Workshop on Natural Language Processing for Social Media*. – P. 1–10.
4. Activity of non-parliamentary opposition communities in social networks in the context of the Russian 2016 parliamentary election / M. Myagkov, E. V. Shchekotin, V. V. Kashpur [et al.] // *East European Politics*. – 2018. – Vol. 34, no.4. – P.483–502.
5. James, P. F. The Media Strategy of ISIS / P. F. James // *Survival*. – 2014. – Vol.56, No.6. – P. 49–55.
6. Fisher, A. Swarmcast: How Jihadist networks maintain a persistent online presence / A. Fisher // *Perspectives on Terrorism*. – 2015. – Vol. 9, no. 3. – P. 3–20.
7. Schmidt, A. P. Challenging the Narrative of the ‘Islamic State’. The International Centre for Counter-Terrorism / A. P. Schmidt // *The Hague*. – 2015. – Vol. 6, no. 5. – URL: <https://www.icct.nl/wp-content/uploads/2015/06/ICCT-Schmid-Challenging-the-Narrative-of-the-Islamic-State-June2015.pdf> (дата обращения: 2017-05-30).
8. Berger, J. M. The ISIS Twitter Census: Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter / J. M. Berger, J. Morgan // *Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World*. – 2016. – 68 p. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/isis_twitter_census_berger_morgan.pdf (дата обращения: 2017-05-30).
9. Klausen, J. Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq / J. Klausen // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2015. – Vol. 38, no. 1. – P. 1–22.
10. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media / K. Cohen, F. Johansson, L. Kaati, J. C. Mork // *Terrorism and Political Violence*. – 2014. – Vol. 26, no. 1. – P. 246–256.
11. Schwemmer, C. The Limited Influence of Right-Wing Movements on Social Media User Engagement / C. chwemmer // *Social Media and Society*. – 2018. – Vol. 7, no. 3. – URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/js73z/> (дата обращения: 2017-10-14).
12. Zuev, D. The movement against illegal immigration: analysis of the central node in the russian extreme-right movement // *Nations and Nationalism*. – 2010. – Vol. 16, no. 2. – P. 261–284.
13. Zuev, D. The Russian Ultranationalist Movement on the Internet: Actors, Communities, and Organization of Joint Actions / D. Zuev // *Post-Soviet Affairs*. – 2011. – Vol. 27, no. 2. – P. 121–157.
14. Паин, Э. Современный русский национализм: сб. ст. / сост.: А. Верховский. – М.: Сова. – 2014. – С. 8–31.
15. Простаков, С. А. Националисты 2.0: попутчики империи / С. А. Простаков // *Интернет и идеологические движения в России: коллективная моногр.* / сост.: Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 74–134.

16. Российский праворадикальный экстремизм и социальные сети как пространство его публичного существования / В. В. Кашпур, А. А. Барышев, Ю. О. Мундриевская, Е. В. Щекотин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2017. – № 3. – С. 27–33.
17. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) / M. Myagkov, E. V. Shchekotin, S. I. Chudinov, V. L. Goiko // Media, War & Conflict. – 2019. – Vol. 13, no. 4. – P.425–447.
18. The Socio-Economic and Demographic Factors of Online Activity among Right-Wing Radicals / M. Myagkov, E. Shchekotin, V. Goiko [et al.] // Studies of Transition States and Societies. – 2019. – Vol. 11, no. 1. – P.19–38.
19. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia / M. Myagkov, V. Kashpur, A. Baryshev [et al.] // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. – 2019. – Vol. 8, no. 1. – P. 41–74.
20. Van Dijk, J. The network society. Social aspects of new media / J. Van Dijk. – London: SAGE Publications, 2006. – 304 p.
21. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк // PSyberLink Психологическая сеть российского Интернета. – Новосибирск, 1999. – URL <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 2021-09-22).
22. Halliday, M. A. K. Linguistic Studies of Text and Discourse / M. A. K. Halliday // Collected Works of M.A.K. Halliday / M.A.K. Halliday, J. Webster. – 1-st ed. – Bloomsbury Academic, 2006. – 301 p.
23. Banks, M. Materiały wizualne w badaniach jakościowych / M. Banks. – Warszawa : PWN, 2009. – 229 s.
24. Olechnicki, K. Antropologia obrazu. Fotografia jako metoda, przedmiot i medium nauk społecznych / K. Olechnicki. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 2003. – 303 s.

For citation:

Kashpur V.V., Baryshev A.A., Chudinov S.I., Shchekotin E.V., Serbina G.N. Methods for representation of radical content under state anti-extremist censorship on the material of Vkontakte social network // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2022. Vol. 6, iss. 1. P. 7–18. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18>

Received 07.12.2021

Kashpur V.V., Candidate of Sociology, Head of the Department of Sociology

E-mail: vitkashpur@mail.ru

Baryshev A. A., Candidate of Economics, Associate Professor at Department of Sociology,

Researcher of the Centre for Applied Big Data Analysis

E-mail: barishevnp@mail.ru

Tomsk State University

Lenina prospect, 36, Tomsk, Russia, 634050

Chudinov S.I., Candidate of Philosophy, Research Fellow at the Center for Applied Big Data Analysis

Tomsk State University

Lenina prospect, 36, Tomsk, Russia, 634050;

Associate Professor at the Department of Philosophy and History

Siberian State University of Telecommunications and Information Science

Guryevskaya st., 51, Novosibirsk, Russia, 630009;

Associate Professor at the Department of Information Security

Siberian State University of Geosystems and Technologies

Plakhotnogo st., 10, Novosibirsk, Russia, 630108

E-mail: personally@ngs.ru

Shchekotin E.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor,

Head of the Laboratory of Digital Methods for Studying Society and Economics

Novosibirsk State University of Economics and Management

Kamenskaya st., 56, Novosibirsk, Russia, 630099

Research Fellow at the Center for Applied Big Data Analysis

Lenina prospect, 36, Tomsk, Russia, 634050

E-mail: evgvik1978@mail.ru

Serbina G.N., Deputy Director at Research Library,

National Research Tomsk State University

Lenina prospect, 34a, Tomsk, Russia, 634050

E-mail: gnsrbina@gmail.com